

УДК 321.01:94(47.24)

DOI: 10.34680/978-5-89896-734-5/2020.NHB.15

Д. А. Петров

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ «ВЕЧЕВОГО» НАКАЗАНИЯ В ДРЕВНЕМ НОВГОРОДЕ

Аннотация. В статье рассматриваются случаи наказания, происходившие на вече в Новгороде в XII–XV вв. Автор предполагает, что наказание состояло в виде сильного избияния полуобнаженного преступника на вечевом собрании и сбрасывании его с моста через реку Волхов, что фиксируется в источниках с нач. XII по кон. XV вв. Устойчивость формы наказания позволяет предположить наличие какой-то правовой традиции, возможно устной.

Ключевые слова: вече, Новгород, мост через реку Волхов, избияние до полу-смерти.

Abstract. The article deals with cases of punishment that took place at the «veche» assembly in Novgorod in XII–XVc. The author suggests, that the punishment consisted in the form of a strong beating of a half-naked criminal person at a veche meeting place and dropping him from a bridge over the Volkhov River, which is recorded in sources from the beginning. XII at the end. XVc. The sustainability of the form of punishment suggests the existence of some legal tradition, perhaps oral.

Keywords: veche, Novgorod, a bridge over the Volkhov River, beating to a pulp.

Интерес к смертной казни в Древней Руси, ее значении и формам, вновь, после 70-летнего перерыва, в последние 30 лет возродился снова. (Штамм, 1986. С. 161–163; Шишов, 1989. С. 12–25; Михлин, 1995. С. 103–111; Жильцов, 1995; Жильцов, 1997. С. 47–52; Жильцов, 2002. С. 30–53; Шелкопляс, 2000. С. 7–21; Лепешкина, 2008. С. 103–110; Рогов В. А., Рогов В. В., 2008. С. 122–143; Коллманн, 2016. С. 359–422; Право на смертную казнь, 2004).

Побудительной причиной составления настоящей работы стал для нас выход монографий В. А. Рогова (Рогов В. А., 1995) и П. В. Лукина (Лукин, 2014, 2018), в которых много места уделено наказаниям новгородцев в связи с событиями, происходившими на вече.

Со времен И. Д. Беляева («...то народ хотѣлъ сбросить его съ моста, какъ обыкновенно казнили въ Новгородѣ измѣнниковъ и предателей...» (Беляев, 1866. С. 266)) утвердилось мнение, что в Новго-

роде казнили, сбрасывая преступников с моста в Волхов. За 146 лет формулировки не изменились: «Казнь через утопление была обычной в Новгородской республике...» (Рогов В. А., 1995, С. 77); «Как ныне хорошо ведомо, на протяжении нескольких веков в Великом Новгороде традиционно казнили преступников, бросая их с моста в воды Волхова.» (Булычев, 2005. С. 55); «В Новгороде преобладающим способом расправы с преступником было сбрасывание в моста в Волхов» (Амплеева, 2006. С. 203); «Казнь, которой подверглись Иван и Гаврила, была скорее всего публичной, осуществленной по решению веча, поскольку убийство и сбрасывание с моста – способ расправы с теми, кто совершил тяжкие преступления против Новгорода». (Фроянов, 2012. С. 375).

Эти работы очень ярко, на наш взгляд, показали, что на «стыке» истории права, политической истории, исторической топографии, этнографии и археологии существует одна проблема, изучением которой фактически не занимались представители ни одной из перечисленных дисциплин. Это вопрос о форме казни в древнерусском обществе в XII – конце XV вв. и, в частности, в Великом Новгороде. Такая ситуация, по видимому, достаточно ясна. Историки права и, уголовного права в особенности, в силу традиций юриспруденции привязаны к письменному, кодифицированному праву, а в указанный промежуток кодификации новых правовых положений практически нет. Правда, в XII–XIII вв. происходит очень активная «компилятивная аккумуляция» церковного права, однако, церковное право не рассматривает вопросов физического наказания. Рассмотрение же фактического, живого материала, если так можно выразиться, «археологическое» рассмотрение летописных «артефактов», совершенно нетрадиционно для правовой науки. Показания летописей и других источников привлекаются, как правило, лишь в качестве иллюстраций тех или иных положений права (Депп, 1849. С. 21; Загоскин, 1892. С. 23–24; Сергеевский, 1887; Малиновский, 1908. С. 71; Викторский, 1912. С. 25–32; Гернет, 1913. С. 109, 110, 112; Берхин, 1885. С. 188–192; Беседкин, 1885. С. 66–77).

«Вечевые» наказания рассматриваются историками по той же схеме: из огромного объема фактического материала выбираются примеры, не связанные хронологически или топографически (Чебаненко, 2013. С. 113–139), но могущие, по мнению исследователя, подтвердить его предположения (Лукин, 2012. С. 187–223).

Такая специфическая форма казни, как избивание на вече с последующим утоплением через свержение с моста в Новгороде, практически никогда не привлекала к себе внимания исследователей, постольку, поскольку она не описана в памятниках русского (как впрочем, и византийского) права (Исаев, 1948. С. 126–143; Амплеева, 2006; Лоба, Малахов, 2011; Оспенников, 2011). Юридические памятники XI – первой половины XII вв. изучены достаточно хорошо, хотя: во-первых, до сих пор остаются неясными некоторые термины и коллизии этих памятников, а во-вторых, окончательно не установлено, какие нормы законода-

тельства XI–XII веков действовали в XIII, XIV и XV веках (Бенеманский, 1917. С. 98–102, 148–184). Не упоминается такая форма наказания и в юридических памятниках второй пол. XIV–XV вв.

Лишь в самое последнее время была опубликована работа А. Г. Рагунштейна, посвященная этой теме (Рагунштейн, 2012. С. 153–158). Сводка известий о казнях на мосту приведена в работах (Рыжова, 2008. С. 123–125; Хархордин, 2003. С. 194–206; Сорокин, 2004. С. 14–16; Филиппова, 2007. С. 40–43).

Как бы то ни было, нам кажется, что систематическая подборка сведений о случаях смертной казни в Новгороде (на основании чего можно относительно объективно судить о рассматриваемой процедуре) с необходимыми минимальными комментариями будет полезна как для историков, так и для правоведов.

Часто используемое в работах по политической истории и истории юриспруденции слово «расправа» применяется авторами в современном смысле («безсудное наказание», «самосуд», «суд Линча»), которое, судя по всему, появилось только во второй пол. XIX в. и укрепилось к началу XX в. (Срезневский, 1903. Стб. 252–253). Еще у Даля это слово имеет значение «разбирательство, суд, приговор и исполнение его» (Даль, 1882. С. 71), так же, как и в кон. XV–XVII вв. (Словарь..., 1997. С. 31–33), т. е. современное слово имеет прямо противоположное значение от первоначального. Для XI–XV вв. использование такого юридического термина нам не известно (Рогов В. А., Рогов В. В., 2008. С. 122–143; Сичинава, 2012. С. 108–113).

Первое упоминание о казни в Новгороде относится ко 2 июня 1134 г., когда «почаша мълвите о сужальстеи воине новгородци и убиша мужь свои и съвергоша съ моста в субботу пянтикостъную» (НПЛ, 1959. С. 23, 208; Янин, 2003. С. 102). К сожалению, из текста окончательно не ясно, имеется ли в виду «убиша», а потом «свергоша с мосту» или «убиша», т. е. «свергоша с мосту». Осмелимся предположить, что конструкция фразы «и убиша муж свои и свергоша с мосту» предполагает последовательность этих отдельных действий. Следует также отметить, что непосредственно перед казнью новгородцы «почаша молвити», т. е. скорее всего, казни оказались следствием решения какого-то собрания (веча?). Мост через Волхов был возобновлен в предыдущем году («И томъ же лете обновиша мость цересь Волхово, рушивъше...») (НПЛ, 1959. С. 23, 207). Время строительства моста не известно, отметим только, что в описаниях наводнений в 1127 и в 1128 гг. («Томъ же лете вода быша велика въ Волхове...») (НПЛ, 1959. С. 21), («Въ се же лета вода бяше велика въ Волховеи хоромъ много сноси») (НПЛ, 1959. С. 22) мост не упоминается, что дает возможность предполагать его возведение в 1130–1131 гг. (Филиппова, 2007. С. 33). (Ремонт через несколько лет после строительства не должен нас удивлять – это было первое инженерное сооружение такого масштаба в Новгороде).

В 1136 г., «Томъ же лете, наставъшю индикта 15, убиша Гюргя Жирославиця и съ моста съвергоша, месяца септября» (НПЛ, 1959. С. 24, 209). В этой летописной статье уже очевидно разделение «убийства» и «свержения с моста». Причины казни Гюргя Жирославича неясны, но можно предположить, что это были отдаленные последствия событий 28 мая – 19 июля 1136 г., когда произошла перемена князей на новгородском столе (Янин, 2003. С. 102–106).

Следующие события связаны с посадником Якуном Мирославичем, бежавшим в 1141 г. из Новгорода вместе с князем Святославом Ольговичем «отайи в ночь» (Янин, 2003. С. 138–140). «И Якуна яша на Плисе, приведеше и семо съ братомъ его Прокопьею, малы не до смерти, обнаживъше, яко мати родила, и съверша («свергоша» – Комиссионный список НПЛ. – Д. II.) и съ моста; нь богъ избави, прибръде къ берегу, и боле его не биша, нь възяша у него 1000 гривень, а у брата его 100 гривень, такоже и у инехъ имаша; и затоциша Якуна въ Чюдь съ братомъ, оковавъше и руце къ шьи» (НПЛ, 1959. С. 26, 211–212). В этом рассказе с необычайными (для скупой на детали новгородской летописи) подробностями показана процедура казни, четко разделяемая на две части: избивание обнаженных «мало не до смерти» и «свержение» с волховского моста (отсутствие слова «избив» в тексте – явная описка летописца, по контексту это слово восстанавливается с высокой степенью вероятности). Очевидным следствием избивания «не до смерти» кажется и возможность выплыть и выйти на берег реки, что и произошло в данном случае. Якун Мирославич больше не подвергался казни, но вместе с братом и «сообщниками» был оштрафован и заточен. Описанные процедуры происходили в публичном месте, рядом(?) с мостом, т. е. скорее всего, на вече.

В 1168 г. в обстановке войны с Андреем Боголюбским и Святославом Ростиславичем «Новгородъци же того не бережаху и убиша Захарию посадника и Неревина и Несду бириця, яко творяхуть е переветь дръжаше къ Святославу» (НПЛ, 1959. С. 32, 221). Указанные лица были сторонниками Святослава (Янин, 2003. С. 146–149) и фактически были казнены, как это следует из текста, за «перевет», т. е. за государственную измену. Форма и место казни остается неизвестной.

Зимой 1186 г. «Тои же зиме Новегороде убиша Гаврила Неревиниця, Ивачя Свеневиця, и съ моста съвьргоша» (НПЛ, 1959. С. 228–229). Четкого разделения по тексту «убийства» и «свержения с моста» нет, но кажется, что оно подразумевается присутствием союза «и». По мнению В. Л. Янина, Гаврила являлся родным братом руководителя одной из боярских группировок посадника Завида Неревинича, и его «убийство» было частью острой политической борьбы, закончившейся победой их врага посадника Михалки Степановича (Янин, 2003. С. 153–154). Где их убили, не известно, но, вероятнее всего – на вече.

В 1194 г. после крайне неудачного похода на Югру, когда в результате своего легковерия и предательства некоего Савки «вятские

мужи» новгородского войска были казнены «югорским князем», в Новгороде «...придоша избытъкъ живыхъ изъ Югры. И убиша Сбышку Волосовица и Негочевица Завида и Моислава Поповица сами путники, а друзии кунами ся откупиша; творяхуть бо я съветъ държаше на свою братью, а то богови судити» (НПЛ, 1959. С. 41). Из этого сообщения не очень ясно, где и когда были убиты обвиненные в измене и предательстве люди. Выражение «сами путники» позволяет предположить, что это убийство произошло на обратном пути из «Югры», так как вернувшись в Новгород, участники похода становились рядовыми гражданами и вряд ли бы летописец стал их выделять. Кроме того, что летописец устраняется и от оценки этого события («творяхуть бо»... «а то богови судити»), по-видимому, не являясь очевидцем события. Кажется, что события можно реконструировать следующим образом: возвращающиеся после позорного поражения, в состоянии крайнего психологического напряжения оставшиеся воины (их было всего 80 человек) на пути домой казнили и оштрафовали несколько своих товарищей, обвинив их в измене.

В 1207 г. «Приде Лазорь, Всеволожь муж, из Володимиря, и Борисе Мирошкиниць повеле убити Ольксу Събыславица на Ярославли дворе, и убиша и без вины, въ субботу марта въ 17, на святого Альксия; а заутра плака святая Богородица у святого Якова въ Неревьскомь конци» (НПЛ, 1959. С. 247). Мы не знаем способа «убийства», но важно, что оно происходит на Ярославовом дворе, т. е. по-видимому, на месте вечеревого собрания, может быть, во время вечера. Борис Мирошкинич был братом правящего посадника Дмитра Мирошкинича и сыном известного новгородского посадника Мирошки Незденича, и описанное событие, по В. Л. Янину, показывает «возникновение семейной олигархии» (Янин, 2003. С. 162–163). Очень важно и то, что и Олекса Сбыславич был убит «без вины», что специально отмечено летописцем, т. е. данное «убийство» с его точки зрения было событием неординарным. Нам кажется, что в данном случае речь идет не о реальной виновности или невиновности, но о нарушении определенной процедуры, где должна была быть объявлена «вина», а потом следовало обсуждение (разбирательство), чего в данном случае как раз и не произошло. Наше предположение, возможно, имеет косвенное подтверждение в описании последующих событий.

Зимой 1208 г. (Янин, 2003. С. 164, прим. 69) «Того же лета привезоша Дмитра Мирошкиниця мърьтвого из Володимиря и погребоша и у святого Георгия въ монастыри, подъле отча; а новгородьци хотяху съ моста съврещи, нъ възбрани имъ архепископъ Митрофанъ» (НПЛ, 1959. С. 50–51, 248). Этому предшествовало грандиозное восстание, начавшееся так: «Новгородьци же, пришьдъше Новугороду, (из похода на Пронск без посадника Дмитра, тяжело раненого стрелою под Пронском. – *Д. П.*) створиша вече на посадника Дмитра и на братью его, яко ти повелеша на новгородьцихъ сребро имати, а по волости куры брати, по куп-

цемъ виру дикую, и повозы возити, и все зло; идоша на дворы ихъ грабежъмь, а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бесчисла, а избытъкъ розделиша по зубу, по 3 гривне по всему городу, и на щить; аще кто потаи похватиль, а того единъ богъ ведаеть, и от того мнози разбогатеша; а что на дъщькахъ, а то князю оставиша» (НПЛ, 1959. С. 50–51, 248; Янин, 2003. С. 164). Судя по летописи, на вече было принято решение о полной конфискации имущества Мирошкиничей («поток и разграбление») (Рорре, 1970. S. 251–252; Лукин, 2007. С. 20–35; Лукин, 2008. С. 196–207), которое было реализовано, но сопровождалось и обычным грабежом. По-видимому, тогда же было вынесено решение о казни Дмитра Мирошкинича, но его не было в городе. Поэтому, когда его тело привезли в город, новгородцы, по-видимому, попытались исполнить вечевой приговор, хотя бы и над мертвым телом, но архиепископ не допустил этого, не канонического с точки зрения церкви, действия. Обвинения Дмитру Мирошкиничу были предъявлены на вече, т. е., по-видимому, по принятой процедуре (Лукин, 2014. С. 391–392), в отличие от Алексы Сбыславича, убитого на вече «без вины».

В 1215 г. «...на сборъ убиша пруси Овьстрата и сынъ его Луготу и ввърьгоша и в греблю мъртвъ, князь же о томъ пожали новгородце» (НПЛ, 1959. С. 53, 253). Прушане, жители Прусской улицы убили двух человек и, по-видимому, уже мертвыми (что специально отмечено летописцем) сбросили в ров, по-видимому, ров Детинца. Нельзя не отметить, что здесь мы можем наблюдать некоторое подобие рассмотренных выше казней. Во-первых, убийство Овстрата и Луготы происходит публично жителям улицы, т. е. административной единицы. Вероятность дикого самосуда здесь, на наш взгляд, невелика, скорее всего, убийству предшествовало какое-то публичное обсуждение вины и вынесение решения уличанами Прусской улицы, следствием которого и стала казнь. Любопытно, что мертвые тела были сброшены в ров, аналогично сбрасыванию тел в Волхов, т. е. по процедуре казни, уже столетие бытовавшей в городе.

В 1227 г. «ижгоша вълхвы 4 творяхуть е потворы деюще, а бог вестъ и съжгоша их на Ярославли дворе» (НПЛ, 1959. С. 65, 270). Волхвы были сожжены на Ярославовом дворе, т. е. на месте вечевых собраний, и, может быть по решению веча (Лукин, 2014. С. 392–397). Летописец явно сомневается в доказанности их вины. Сожжение, тем более нескольких, лиц – процедура достаточно громоздкая, требовавшая определенной организации и подготовки. К ней, наверное, не применимо описание в виде «потока и разграбления» (Лукин, 2014. С. 387–397, 403). Кажется естественным, что в описываемом случае, если речь шла о колдовстве и магии (по предположению самого П. В. Лукина), казни должно было предшествовать расследование (колдовство и магия не совершаются публично, что ярко иллюстрируется сомнением летописца

в вине наказанных) и, как следствие, приговор. В соответствии с действовавшим тогда церковным правом «ведьство, потвори, чародеяние, вълхвованіе» подлежали церковному суду (Юшков, 1989. С. 354; Шапов, 1972. С. 104–105; Гиппиус, 2003. С. 163–173; Попов, 1904. С. 58–61), следовательно, судебное расследование было обязательным. По мысли П. В. Лукина, летописец, принадлежавший к Софийскому дому, в этой статье выразил «недовольство владычной кафедры или отдельных влиятельных представителей духовенства либо самой расправой, либо ее стихийным, фактически безрассудным характером...» (Лукин, 2014. С. 403). Это значит, что мы должны предположить, что в данном случае новгородский владыка был отстранен от исполнения своих прямых обязанностей, а «вечники», нарушая закон, сами «расправились» с волхвами. Конечно, этот вопрос заслуживает более детального анализа, выходящего за рамки настоящей работы.

В следующем, 1228 г., во время похода на емь, «новгородьци же стоявьше въ Неве неколико днии створиша вече и хотеша убити Судимира, и съкры и князь въ насаде у себе» (НПЛ, 1959. С. 65, 270). Как мы видим, попытка убийства Судимира не была ни заговором, ни стихийным самосудом. Он должен был умереть по решению вечевого собрания, т. е. по-видимому, по процедуре аналогичной собственно новгородской. Интересно, что летописец четко обозначает собрание воинов термином «вече», полагая или зная, что на этом собрании соблюдались «вечевые» процедуры. Возможно, что эти события подсказывают нам, как происходили аналогичные события во время похода 1194 г. на Югру.

После введения архиепископа Антония во владычный двор, «възмяшеса весь город и поидоша съ веча въ оружии на тысячьского Вяцеслава и розграбиша дворъ его и брата его Богуслава и Андреичевъ владычня стольника и Давыдковъ Софиискаго и Судимировъ (которого ранее хотели казнить на Неве во время похода на Емь. – Д. П.), а на Душильця на Липенскаго старосту тамо послаша грабить а самого хотеша повесити, нъ ускоци к Ярославу, а жену его яша, рекуче «яко ти на зло князя водять и бысть мятежь в городе велик» (НПЛ, 1959. С. 67, 273). Попытка повесить «липенского старосту», как видно из текста, являлась прямым следствием вечевого решения, равно, как осуществленная процедура «потока и разграбления». Мы не знаем, почему его хотели именно «повесить», но вполне возможно, что на Липне физически невозможно было осуществить казнь через избиение и сбрасывание с моста.

В 1230 г. «Томъ же лете роспреса Степанъ Твърдиславиць съ Водовикомъ, Иванке Тимошкиниць по Степане, и биша Иванка паробчи посадници; то же бысть на Городищи; а заутра створи веча на посадника на Ярослави дворе, и поиде на дворъ его, и розграбиша и. Посадник же опять възъвари городъ весь, и Смень Борисовиць на Иванка и на Якима Влунковица и на Прокшу Лашнева; поидоша съ веча и много дворовъ розграбиша, а Волоса Блуткиница на вечи убиша; рече посад-

ник: «ты еси мои дворъ хотель зажечи»; а Прокшинъ дворъ зажгоша; а Якимъ бежа къ Ярославу, а инии схоронишася; нъ и техъ, уротивше, пустиша; а Иванка после имъш, уби Водовикъ, въвъргошь въ Волхово (на память святого отца Павла Исповедника – так в Комиссионном списке НПЛ (6 ноября). – *Д. П.*)» (НПЛ, 1959. С. 69, 276; Янин, 2003. С. 199). В. Л. Янин пишет: «По его (посадника Внезда Водовика. – *Д. П.*) приказу тут же на вече был убит один из его противников Волос Блуткинич, обвиненный в покушении на поджог посадничьего дома» (Янин, 2003. С. 199). Мы не можем согласиться с формулировкой «по его приказу», так как прямо из летописи это не следует. Поджог – одно из тягчайших преступлений в древнерусском праве и поэтому описанные события могли происходить в соответствии с обычной процедурой (нам не известной) вечевого суда-собрания.

В цитируемом отрывке мы видим: 1. Избиение Иванка «паробцами» посадника Внезда Водовика, причем летописец специально указывает, что это произошло на Городище; 2. Разграбление двора (по вечевому решению(?) – «поток и разграбление»(?)) посадника; 3. Убийство на вече Волоса Блуткинича сторонниками посадника по обвинению в намерении (Лукин, 2014. С. 397, прим. 59) поджечь его двор; 4. Арест и убийство (по распоряжению посадника?) с «ввержением» в Волхов Иванка Тимошкинича. К сожалению, характер летописных сведений не позволяет нам определить, была ли в каждом случае полная процедура, вроде описанных выше (обвинение на вече – побиение до полусмерти, – «ввержение» в реку) или здесь мы видим убийства, лишь в частях имитирующие «полную форму» казни. Вполне вероятно, что убийство/казнь Волоса Блуткинича и Иванка Тимошкинича происходили по полной процедуре, которая фрагментарно отразилась в летописном рассказе. Наказание за поджог известно в Пространной редакции Русской Правды (Законодательство Древней Руси, 1984. С. 70) и «Уставе князя Ярослава о церковных судах» (Законодательство..., 1984. С. 169, 190), смертная (?) казнь, по-видимому, появляется уже только в Псковской Судной грамоте (Алексеев, 1997. С. 37, 60; Хачатрян, 2009. С. 155–156; Бенеманский, 1917. С. 168), однако, как полагали многие исследователи, эта традиция имеет значительно более раннее происхождение (Устрялов, 1855. С. 59; Алексеев, 1980. С. 48). Поэтому, формально, обвинение могло иметь не политический, а уголовный характер.

Весной 1231 г., во время страшного голода «Яко инии простая чадь резаху люди живыя и ядыху, и инии мъртвая мяса и трупие обрезающе ядыху, а друзии конину, псину, кошки: нъ техъ осочивъше, тако творяху, овъихъ огньмъ ижгоша, а другихъ осекоша, иныхъ извешаша» (НПЛ, 1959. С. 69, 276). Разнообразным наказаниям (сожжение, повешение, «иссечение») подверглась «простая чадь» за совершение церковных преступлений: каннибализм (Бытие 9. 3–6) и потребление мертвечины (Второзаконие, 14. 21) (библейские заповеди неоднократно подтверждали отцы церкви (Послания св. Василия Великого, 63 Апостоль-

ское правило, 86 правило) и церковное законодательство (Пространная редакция Устава..., 1984. С. 192)). Эта тематика обсуждалась простыми священниками и церковными иерархами и в середине XII в. (Еремин, 1947. С. 170–171; Мильков, Симонов, 2011. С. 390–391). К сожалению, в летописной статье события изложены слишком обобщенно, для того, чтобы дать детальный комментарий. Однако, думаем, что и повешения, и сожжения, и «иссечения» не могли происходить без определенной, предварявшей их судебной процедуры. По крайней мере, сам летописец указывает, что перед казнями был проведен розыск («...нъ техъ осочивъше, тако творяху...»), следовательно, есть все основания полагать, что был и «суд». Очевидно полагать его на вече, а место проведения казней – на Ярославовом дворе.

В 1241 г. «Того же лета поиде князь Олександръ на Немци на городъ Копорью, с новгородци и с ладожаны и с Корелою и съ Ижеряны, и взя городъ, а Немци приведе в Новъгородъ, а инехъ пусти по своеи воли; а Вожанъ и Чюдцю переветники извеша» (НПЛ, 1959. С. 78, 295). Вожане и Чюдъ наказываются за предательство, причем, как мы понимаем из текста, среди этих племен были наказаны только конкретные люди – предатели. Где они были казнены – не ясно.

В 1257 г. «... на зиму убиша Михалка посадника новгородци» (НПЛ, 1959. С. 82, 309). Форма казни остается неизвестной, но очевидно, что это была казнь, совершенная «новгородцами», т. е. возможно, через вечевую процедуру.

В продолжение этих же событий, зимой 1258 г. князь Александр Невский подверг наказанию («овому же носа урезаша, а иному очи выняша») (НПЛ, 1959. С. 82, 309) дружину «Александра», пришедшего с татарами, за неправильные советы сыну Александра Невского Василию («кто Василья на зло повел»), приведшие к политическим осложнениям (Янин, 2003. С. 210–211). По-видимому, эти события могли происходить в Новгороде, но, возможно, что они происходили и в другом месте.

В 6778 г. (1269 г. по В. Л. Янину (Янин, 2003. С. 221–222) или 1270/1271 г. по П. В. Лукину (Лукин, 2014. С. 398–399)) «Того же лета бысть мятежь в Новегороде: начаша изгонити князя Ярослава из города, и съзвониша вече на Ярославли дворе, и убиша Иванка, а инии вбегоша в Николу святыи; а заутра побегоша къ князю на Городище тысяцьскыи Ратиборъ, Гаврило Кыяниновъ и инии приятели его. И взяша дома ихъ на разграбление и хоромы рознесоша; а къ князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его ...» (НПЛ, 1959. С. 326).

Несмотря на то, что сама летопись называет эти события «мятежом», очевидно, что все это происходило отнюдь не стихийно: новгородцы и князь общаются через вече, грамоту и послов, обвиняемые пользуются правом убежища, Иванка Коровьяка убивают на вече, и решение о разграблении дворов («поток и разграбление») сторонников князя Ярослава Ярославича, по-видимому, принимается там же. Форма убийства/казни остается неизвестной. Указание на то, что «иние» (по-

видимому, перечисленные дальше) укрылись в церкви, на наш взгляд, свидетельствует о том, что к смертной казни было «приговорено» несколько человек.

В 1287 г. «бысть мятежь велик в Новгороде на Смена Михайловича: въста на него весь Новъгород без исправы поидоша на на его изо всех концов, яко сильная рать, вякьи в оружии силою великою, жалостно видение. И тако поидоша на двор его, взяша дом его с шюмом. Симеон прибежа к владыце и владыка провади в святую Софею и тако ублюде Бог и заутра снидошася в любовь» (НПЛ, 1959. С. 326). Против посадника организовано выступил «весь Новгород», т. е., очевидно, что существовала предварительная договоренность о таком выступлении и о разграблении дома Семена Михайловича («поток и разграбление»?). Разумно предположить, что такая договоренность была достигнута на вече.

Можно ли относить убийство в 1291 г. «Самоила Ратшинича на владычне дворе у всхода у Рождества Христова, по заутрени» (НПЛ, 1959. С. 326) к казням, мы не знаем. Скорее всего, это было политическое убийство в результате заговора, так как именно после него новгородцы собирают вече и идут грабить и жечь Прусскую улицу.

В 1291 г. «грабиша кромолнице торгъ и заутра створишия вече новгородци, свергоша два кромолника с мосту» (НПЛ, 1959. С. 327; Лукин, 2014. С. 398–400). В этом сообщении кажется все понятно: преступники совершали свои преступления на территории, находившейся в юрисдикции «всего Новгорода», и были наказаны через процедуру вечевой казни. Некоторую аналогию для этой ситуации можно увидеть в ст. Псковской судной грамоты («...а кримскому татю (т. е. грабителю клетей (житниц, находившихся на государственной территории. – Д. П.) на Кроме) ...живота не дати...») (Законодательство Древней Руси, 1984. С. 332; Хачатрян, 2009. С. 154). Трудно согласиться с П. В. Лукиным, считающим, что «...вряд ли происшедшее с «кромольниками» можно считать судом. Скорее всего, это была – насколько можно судить на основании лаконичного летописного сообщения – коллективная вечевая расправа, которая нередко случалась в Новгороде и раньше» (Лукин, 2014. С. 398–400). Нам кажется, что здесь как раз все признаки организации какого-то «судебного разбирательства» на вече (сбор вече на следующий день после совершения преступления и ареста(?) грабителей), по результатам которого был вынесен приговор, приведенный в исполнение. Аналогию, приводимую исследователем (сожжение волхвов в 1227 г.), трудно принять по причинам, изложенным выше.

В 1316 г. «Выидоша наместници Михайловы из Новагорода, и поиде князь Михаило к Новугороду со всею Низовьскою землею; а новгородци учиниша острогъ около города по обе стороне, и соидеся вся волость новгородская... Того же лета, еще не дошедшу князю Михаилу до города, яша (изымаша – так в Комиссионном списке. – Д. П.) Игната Беска, и биша и на вечи, и свергоша и с моста въ Волховъ: творяхуть бо

его переветь державша к Михаилу; а богъ то вестъ» (НПЛ, 1959. С. 95, 337). Здесь, как мы видим, Игнат Беск был арестован, обвинен в предательстве и, предварительно избитый на вече, был сброшен в реку. Впрочем, летописец сомневается, действительно ли он был виновен. Почему П. В. Лукин считает, что «вновь мы имеем дело с вечевой расправой, а не с вечевым судом: из комментария летописца довольно ясно следует, что не было не только суда, но и обвинения всерьез не обсуждались («творяхуть бо...») (Лукин, 2014. С. 402), нам не понятно. Ведь летописный текст может быть понят и так: «избив на вече, сбросили с моста, обвинив (на вече) в предательстве». Очевидно, что предъявление обвинения на вече в значительно большей степени предполагает его рассмотрение, т. е. судебную процедуру, а не «Суд Линча» («...ни о вечевом суде, ни о смертной казни по приговору суда говорить, очевидно, не приходится. Действия новгородцев, несмотря на то, что они сами считали их вполне законными, были ближе к суду Линча, чем к суду в настоящем смысле слова») (Лукин, 2014. С. 402). Но ведь новгородцы, наверное, и считали их вполне законными, потому что соблюдали все необходимые вечевые процедуры (арест с доставлением на вече, предъявление обвинения: «творяхуть бо его переветь державша к Михаилу», форма казни: «биша и на вечи, и свергоша и с моста въ Волховъ»). Как нам кажется, летописец не говорит «без вины», констатируя нарушение судебной процедуры, он сомневается в степени доказанности вины казненного.

Отметим форму казни, предусмотренной не сохранившимся договором 1339 г. Новгорода со шведами для корел: «доконцаша миръ по старымъ грамотамъ, а про корилу тако ркоша: аще к вамъ наши бежат, секите их или вешайте; или ваши к намъ мы же тако имъ створимъ...» (НПЛ, 1959. С. 350).

В 1340 г. во время восстания в Торжке «Посем же видевше новоторжци, даждь не прибудет из Новаграда рати, вьсташа чернь на боярь, а ркуше: «почто есте новгородцовъ призвале, и они князи изимале; намъ в томъ погинути». И съкрутившеса въ брони, нашедши силою на дворы, выимаша у воевод наместьники княжи и борци и жены их, и новгородцовъ выпровадиша из города; а бояре новоторьскыи прибежаша в Новъгород толко душею, кто успель; а дома иъ разграбиша и хоромы розвозиша, а Смена Внучка убиша на вече, потомъ и села их пуста положиша» (НПЛ, 1959. С. 352–353). Несмотря на кажущийся разгул восставших («поток и разграбение?»), новгородцев организованно выводят из города, а Семена Внука убивают на вече, т. е. по-видимому, казнят по (вечевому?) порядку, на который косвенно намекает и формулировка обвинения, предъявленного боярам (на вече?).

В 1346 г. «Того же лета прииха князь Литовьскыи Олгердь съ своею братьею съ князи и со всею Литовьскою землею, и ста в Шелоне, на усть Пшаги реки, а позывая новгородцовъ: «хочю с вами видетися; лаяль ми посадникъ вашъ Остафеи Дворяницъ, назвал мя псомъ». И взя

Шелону и Лугу на щить, а с Порховьского городка и съ Опоки взя окупъ; а новгородци выихаша противу ему в Лугу и, въспятившеся въ город, позвониша вече и убиша Дворяниньца посадника на вече, а ркуще, яко «в тебе волость нашу взяша» (НПЛ, 1959. С. 358–359; Янин, 2003. С. 262–268). Остафий Дворянинец был официально обвинен в проступке, нанесшим большой вред Новгородскому государству, т. е. в государственном преступлении, и казнен на вече, к сожалению, точно не известно как.

В 1348 г. «...слышавши же новгородци се, что король отпустил рать на Ижеру послаша противу их Онцифора Лукиница, Якова Хотова, Михаилу Фефилатова с малою дружинною ... избиша немцев 500, а иных живых изымаша, а переветников казниша» (НПЛ, 1959. С. 360). Кто здесь понимается под переветниками, т. е. предателями, не совсем ясно, но можно предположить, что имеются в виду принявшие католичество ижоряне и вожане (о которых говорится до этого) (Шаскольский, 1987. С. 153–154). Остается неясным масштаб этой карательной меры и форма казни.

События 1359 г. («...по совету лихых людии и бысть мятежь силен в Новгороде отъяша посадничество у Вондреяна Захарьиница не весь город, токмо Славеньский конецъ и даша посадничество Селивестру Лентиеву и створися проторжь немала на Ярославле дворе и сеча бысть занеже славяне в доспесе подселе бяху и розгониша заричан а они без доспеха были и бояр многих побиле и полупили а Ивана Борисова Лихинина до смерти убили...») (НПЛ, 1959. С. 376) являются настоящим мятежом, и убийство Ивана Лихинина, несмотря на то, что оно имело место на Ярославовом дворе – это не казнь, а последствие «сечи».

1375 г. «стригалниковъ побиле, диакона Микиту, диакона Карпу, 3-ее человека его и свергоша ихъ с мосту» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. 1915. С. 309). «И тогда побиле стриголниковъ еретиковъ диакона Микиту и Карпа простца, и третьего человека с ними, свергоша их с мосту, развратниковъ святыя веры» (ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. 2000. Стб. 449; Новгородские летописи, 1879. С. 241–242; Казакова, Лурье, 1955. С. 39; Алексеев, 2012. С. 89–99). Перед утоплением казнимые были предварительно сильно побиты. На основании каких юридических норм они были казнены – неясно (рис. 1).

На Пасху 1398 г. на новгородскую волость Вель «наехал» боярин великого князя Андрей, которому оказал содействие Иван Микитин с двинянами, а в двинские волости «приехал ... в засаду» князь Федор Ростовский, которому помогли двинские воеводы Иван и Конон. Ответ новгородцев не заставил себя ждать. Они разорили волости великого князя, а потом осадили Орлец на Двине. «И вышедши двиняне ис городка, и начаша бити челомъ съ плачемъ воеводам и всемъ воемъ новгородцемъ, и воеводы новгородчкыи и вси вои, по своего господина по новгородчкому слову, челобитье прияша двинянь, а нелюбья имъ отдаша, а воевод заволочкых Ивана и Конана с другы изымаша, овых смер-

тию казниша, а Ивана и брата его Афанаса, Герасима, Родивона иско-
ваша, кто водиль Двиньскую землю на зло; ...Тои же зиме приихаша
изъ Заволочья воеводы новгородскыи в Новьгород: посадникъ Тимо-
феи, посадникъ Юрьи, Василии, и бояре и дети боярьскыи и вси вои
добры и здравы; и ради быша новгородци своеи братьи; а переветника
Ивана Микитина скинуша с мосту; а Герасимъ и Родивонъ с плачемъ
добиша челом своеи господе Великому Новугороду, Новгород даша
имъ живот, и постригошася въ мнишьскыи образъ; а Альфанъ избежа на
путье» (НПЛ, 1959. С. 392–393).

Рис. 1. Казнь стригольников. Миниатюра Лицевого летописного тома.
Остермановский первый том. Отдел рукописей БАН. 31.7.30-1

Как мы видим, совершение суда над предателями было приведено в два этапа. Непосредственно на месте «воеводы и все вои новгородцы по своего господина по новгородчкому слову», которых мы можем рассматривать как вече, по-видимому, приняли решение о наказании виновных Ивана и Конона, которые тут же и были казнены. Остальные были отправлены в Новгород, на вече. Арестованные Иван Никитин и его брат Афанас, Герасим и Родион были доставлены на вече (Алфан бежал по дороге). Им было предъявлено обвинение, характер которого угадывается в комментарии летописца («... кто водилъ Двиньскую землю на зло...»). На вече происходила процедура, по-видимому, имевшая характер судебного разбирательства (предатели били челом «своеи господе Великому Новугороду»). В результате Иван Никитин был казнен традиционным способом – сброшен с моста (вероятно, предварительно побитый на вече), остальным сохранили жизнь. Если казнь у Орлеца еще можно было бы рассматривать как «расправу», то вечевая процедура не имеет, в описании летописца, никаких признаков «потока и разграбления», но, напротив, обычной судебной процедуры.

В 1418 г. «...человекъ некий Степанко изымаша боярина Данила Ивановича Божина внука, держащи вопияше людем: «а господо, пособи ми на злодея сего. ... Людие же, видяще его вополь влечухут аки злодея к народу и казниша его ранами близъ смерти и сведше с веча сринуша и с мосту. Некто же людинъ Личков сынъ, хотяще ему добра, възхити его в челнь и народъ възярившись на того рыбника, домъ его розграбиша» (НПЛ, 1959. С. 409). НІВЛ рассказывает эту же историю еще более драматично (ср. например изложение ее же в СІЛ) (ПСРЛ. Т. VI. 2000. Стб. 541), с введением нового персонажа («жена некая», возможно, жена Степанки (ПСРЛ. Т. XVI. 2000. Стб. 168–169; Петров, 2003. С. 281–282): «...Сего же месяца сбытсья знаменье въ 24 день, съдеся таково в Великомъ Новегороде наоучениемъ диаволимъ: человекъ некий Степанко имаше боярина Данила Ивановича Божина внука, держаще вопиаше людемъ: «о, друзи! пособиствоуйте ми на злодея сего». Людие же, видяще его вопль, пришедше, влечахуоть, якоже злаго, к сонму людскомоу и казниша ранами близъ смерти. ...жена некая, отвергъши женскую немощь и вземъши моужескую крепость, воскочивше посреди сонмища, дасть ему раны, оукаряючи его, яко неистовна, и глаголющи, яко «обидима есмь имъ». И сведше его съ сонма, сринуша его с мосту, аки разбоиника и зло деюща людемъ многимъ. Некто же людинъ Личко, хотяще емоу добра, възхити его в челнь, и народъ, възярившеся на того рыболова, и домъ его розграбиша, а самъ скрыся» (ПСРЛ. Т. IV. 2000. С. 421).

Восстанию Степанки посвящена обширная литература (Строков, 1938; Черепнин, 1960. С. 737–739; Бернадский, 1960. С. 178–183; Янин, 2003. С. 251–257; Низов, 1982. С. 65–77; Халявин, 2011. С. 80–85). Основной интерес комментаторов заключался в раскрытии причин борьбы, выяснении «пропорций», если так можно выразиться, классовой и

политической борьбы. Пожалуй, Л. В. Черепнин в наибольшей степени отметил некоторые формальные и процедурные моменты всех этих событий. Нам кажется, что здесь, хотя и крайне тенденциозно с политической стороны, описана процедура судебного процесса и последовавшей за ней казнь. Если рассмотреть эту статью не с точки зрения истории древнерусской литературы или поиска политической модели интерпретации событий, а попытаюсь найти фактическую основу, очистив рассказ от излишней эмоциональности, то, гипотетически, события могут быть изложены так: 1) Степанко обращается к Новгороду на вече (ср. обращение к вечу Василия Никифорова в 1477 г. «Он же рече им: «...а не на г(о)с(у)д(а)ря своего Великого Новагорода, ни на вась, свою г(оспо)ду и братию» (ПСРЛ. Т. XVI. 2000. Стб. 253) с какой-то жалобой («а господо, пособите ми тако на злодея сего»), содержание которой летописец не передает; 2) Люди приводят боярина на вече – т. е. арестуют его по постановлению веча(?) («влечахут акы злодея к народу»), причем выражение «акы злодея» подсказывает нам, что обвинение в «злодеянии» все-таки было предъявлено; 3) Очевидно, что боярину на вече объявляется его вина и выносятся вечаевое решение; 4) Здесь же, немедленно следует наказание («казниша его ранами близ смерти и сведше с веча сринуша и с мосту») традиционное, как мы видели выше, для вечаевых казней; 5) Рыбак на лодке спас его, за что был наказан, не ясно, по решению веча (поток и разграбление) или в силу бесконтрольной ярости толпы.

Летописец не отмечает момент объявления боярину его вины на вече, что, как показано выше, совершенно не характерно для летописных описаний вечаевых событий, но, с другой стороны, если верить последовательности событий летописной статьи, то получится, что Степанко задержал боярина на вече (вряд ли бы он просто на улице мог схватить новгородского боярина), а потом его потащили опять на вече. Если же Степанко задержал Данилу Ивановича не на вече, то непонятно, почему летописец вкладывает в его уста обращение «господо», т. е., как мы понимаем, обращение к представителям городского общества, имеющим право принимать административно-политические решения, т. е. «вече», ведь просто на улице, где Степанко мог схватить боярина, находились только случайные прохожие. Тем более Степанко не мог захватить боярина на улице (Кузьмодемьяне, судя по дальнейшему рассказу летописи) или дворе, так как немедленно был бы остановлен домочадцами боярина. Как показали последующие события, никаких властных полномочий или реальной политической организованной силы у Степанки не было. Данила Иванович Божин внук мог оказаться на вече и подвергнуться в дальнейшем осуждению и наказанию только в законном порядке, т. е. очевидно, через вызов в суд. Цель же летописца заключалась отнюдь не в процедурно точном описании событий, а в изображении боярина невинно осужденным. Целиком обойти в своем изложении имевшей место судебной процедуры он, конечно, не мог,

но придавая своему рассказу яркую эмоциональную окраску, как нам кажется, опустил некоторые детали, т. е. объединил вызов боярина в суд Степанкой и его обвинение на суде в одну фразу: «а господа, пособите...» и не изложил суть обвинений. Характерна в этом контексте оговорка Летописи Авраамки («Яко же и прочих татей, и сведшее его с соньма («соньм людской» – вече в этом рассказе ЛА. – Д. П.) и сринаша его с мосту») (ПСРЛ. Т. XVI. 2000. Стб. 169), т. е. летописец приравнивает казнь боярина к казням «прочих татей», т. е. его казнь, по мнению летописца, являлась естественной конечной точкой стандартной юридической процедуры судебного преследования и наказания за тяжкие преступления в Новгороде.

Важные сведения по интересующему нас вопросу о форме казни сообщает «Житие св. Варлаама Хутынского» в рассказе о казни осужденных, созданном, по-видимому, в 1470-х гг. (Дмитриев, 1973. С. 31, 33–34; Бобров, 2003. С. 148–152): «...чюдотворцу же къ архиепископу едушу, яко бысть на великомъ мосту, прилучися новгородцамъ по градцком обычаю осуждена человека метати в реку Волховъ. Преподобный же Варлаамъ повеле слугамъ стати в том месте, где вмещут человека... Паки же в ино время, по обычаю, прилучися преподобном к архиепископу ехати по тому же Великом мосту, и новгородцемъ иного осуженаго приведши скинути в реку с великого мосту, таковъ бе обычай градской. ...Пристав же и супостатни его сринаша его с мосту, и сродницы ж его, взявше мощи его, погребоша его, якоже и прочихъ осужденников» (Великие Минеи чети..., 1897. Стб. 214–216; Бобров, 2003. С. 165). Из этого рассказа мы узнаем, что сбрасывание с моста, вероятно, в определенном, всем известном месте («повеле слугамъ стати в том месте, где вмещут человека»), тела осужденного (т. е. приговоренного судом) производилось «приставами» с помощниками и что это «градцкий обычай». Таким образом, для автора этого рассказа сбрасывание с моста являлось относительно ординарным событием, которому предшествовало осуждение на суде и исполнение наказания специальными исполнителями. Не углубляясь в рассмотрение понятия «пристав» (это тема отдельного исследования) (Самохвалов, 2008. С. 26–30), отметим только, что в Новгородской Судной грамоте известны «приставы с веча», обладавшие правом арестовывать и, по-видимому, доставлять на вече для вынесения приговора («А кто на кого возмет грамоту судную, а будет ему дело до судьи или до истца... ино взять на него приставы с веча, да иматъ его в городе и в селе с тыми приставы; а почнет хорониться от приставов, ино его казнить всим Великим Новымгородом») (Законодательство Древней Руси, 1984. С. 307). Аналогичными правами обладали приставы и по Псковской Судной грамоте («А которой человек с приставом приедет на двор татя иматъ и татьбы искать или должника иматъ...») (Законодательство Древней Руси, 1984. С. 340). В. П. Лукин предположил существование приставов с такими правами уже в начале XIV в. (Лукин, 2019. С. 292–301). Если принять во внима-

ние его идентификацию фигуры человека с бородой и плетью в руке, руководящего (?) наказанием (изображенного на рукоятке плети, найденной в новгородском Детинце в слое первой пол. XIII в.), как пристава, то бытование этих представителей «исполнительной» власти можно гипотетически отнести еще на столетие назад.

Иконные изображения этого чуда фактически не дают новой информации о самой процедуре казни. На новгородской иконе, известной нам по не очень детальной прориси 1900-х гг. (Гусев, 1900. С. 7–66, 46), (рис. 2) казнимого человека ведут, держа под руки два человека (пристава?).

Рис. 2. Изображение казни на мосту на несохранившейся иконе «Житие святого Варлаама Хутынского в чудесах и деяниях» XV–XVII вв. из Спасо-Преображенского собора Хутынского монастыря»

На псковской иконе казнимый показан с жерновом, повешенным на шею (Игнашина, Комарова, 2010. С. 39), что не находит отражения в письменных источниках, хотя исключить такого способа казни мы не можем (рис. 3).

Косвенные сведения о восприятии новгородцами моста как традиционного места проведения казни (оставляя без внимания рассуждения исследователя о «водной стихии») можно увидеть в «Житии Иоанна Новгородского» (Рыжова, 2008. С. 121–145).

В мае 1442 г. от пожаров пострадали разные районы Плотницкого конца. «В то же время людие отъ скорби тоя великоя пожарныя похвативше люди, глаголющее отъ ярости и смущении: «в таине ходите и людемь не являетесь и зажигаете градъ и людеи губите» и овехъ на огне сожгоша, а иныхъ с мосту сметаша. а бог весть испытаа сердца человекаа, право ли есть глаголющая» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. 2000. С. 438–439). Из этого текста не совсем ясно, был ли здесь самосуд взвинченной толпы или вечевая казнь, проведенная через вечевую процедуру. Скорее всего, последнее, так как летопись приводит формулировку обвинения и казнь осуществляется через сожжение (на вече?) и «метание с моста». Однако справедливость обвинения вызывает сомнение у летописца. Смертная казнь за поджог установлена, по-видимому, еще в «Правде

Русской» и «Зако́не судном людем», а в Новгороде в это время могла действовать норма, аналогичная ст. 7 Псковской Судной грамоты («А кримскому татю и коневому, и переветнику, и зажигальнику, тем живота не дати») (Законодательство Древней Руси, 1984. С. 332). Отметим также, что часть «зажигальщиков» была сожжена, причем, можно думать, что это произошло на «вечевой площади», аналогично событиям 1227 г. Как уже говорилось выше, сожжение – это достаточно громоздкая процедура, во все времена и у всех народов подразумевающая некоторые предварительные процедуры (розыск, суд). Очевидно, что в летописи сохранились следы предъявления обвинения (на вечевом суде?) – «в таине ходите и людемъ не являетея и зажигаете градъ и людеи губите».

Рис. 3. Изображение казни на мосту на иконе «Житие святого Варлаама Хутынского» второй пол. XVI в. из псковской церкви св. Варлаама Хутынского «на Званице»

В 1446 г. «...Того же лета выведе Сокира посадникъ ливца и весца серебряного Федора Жеребца на вече; напоивъ его, начаша сочити: «на кого еси лить рубли»? Онъ же оговори 18 человекъ, и по его речемъ иныхъ с мосту сметаша, а иныхъ дома разграбиша, и исъ церкви выво-зиша животы ихъ; а прежде того по церквамъ не искали. И еще того же Федора начаша бесправдивы бояре научати говорить на многихъ лю-деи, претяще ему смертью; он же, протрезвився, рече: «на всехъ есмь лить и на вси земли, и весиль съ своею братьею ливци». Тогда бѣ весь градъ в сетовании мнози, а голодники и ябедники и посульники радова-хуся, толко бы на кого выговориль; и того самого смерти предаша, а животъ его въ церкви раздели и разграбиша...» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. 2000. С. 443–444).

В этом рассказе описаны некоторые детали вечевого суда: привод и допрос свидетеля на вече, принятие приговоров и их исполнение. Характерно, что мы видим дифференцированное наказание: кого-то казнят «вечевой» смертной казнью, у кого-то конфискуют имущество. Мы видим и наказание за ложное обвинение. Все описанные в летописи процессуальные действия говорят о том, что на вече было проведено судебное заседание. Теоретически, за изготовление фальшивых денег должны были казнить отсечением руки (Райнхарт, 2009. С. 134–141), но здесь картина иная.

По ПШЛ в самом конце 1470 г. «Великои Новъгород ключника владычня Пимина великим сильным избеществовавъ бесчестиемъ, на крепости издержавъ, самого измоучивъ и кажноу (казни) вшоу в него розграбили (розграбиша) и кончее самого на 1000 рублием телом его продали» (ПСРЛ. Т. V. Вып. II. 2000. С. 172–173). Ключник Пимин – влиятельная фигура в новгородской иерархии, незадолго до этого он был одним из кандидатов на святительский престол. По утверждению летописи он «желавше на столованье государя своего владычества в Новгороде, по животе его, яже татьствомъ и казны его себе выносиль...» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. 2000. С. 503; ПСРЛ. Т. XVI. 2000. Стб. 186). К сожалению, не совсем ясно, как он был наказан.

В 1471 г. новгородцам были предъявлены претензии от великого князя: «Новгородстцы мужие ... а на дворъ великого князя, на Городище, с большого веча присылали многихъ людей, а наместниковъ его да и послу великого князя лаяли бесчествовали, да въ измене великого (князя), за отказомъ на Городище дву князеи поимали сильно, а людей перебили и переимали въ город сводили и мучили в его имени...» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. 2000. С. 501).

Эти происшествия остались без комментария историков, изучавших события 1470–1471 гг. (Л. В. Черепнина, В. Н. Бернадского, Ю. Г. Алексеева), однако, очевидно, что наказание происходило, если так можно выразиться, «через вече». Форма «мучения» остается неизвестной.

В том же году, после Шелонской битвы «переветника Оупадыша Новгородци казниша, зане же переветь держалъ на Новъгородъ и хо-

тель зла Великому Новуграду съ своими единомысленики: 5 поушокъ железом заколачиваль... Оуне бы ти, Оупадыше, аще не был бы в оутробе матеръни не бы былъ наречень предатель Новуграду» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. II. 1925. Стб. 447–448). Как казнили Упадыша, остается неизвестным, но совершенно ясно, что он был казнен за государственное преступление – предательство.

В мае 1477 г. «...бысть в них (новгородцах. – *Д. П.*) мятеж и сотвориша вече и пришед на Василья Микифорова и взяша его и воскричаша: «переветнике, изменник был ты у великого князя и целовал еси ему крест на нас. Он же рече им: «целовал есмь крест великому князю на том, что мне служити ему правдою и добра ему хотети а не на государя своего Великого Новгорода, ни на вас, на свою господу и братию». Они же без милости взявше и ведоша его на вече и камением убиша его, а по обговору Захария Овинова, а потом и того Захария убиша и с братом его Кузюмоу, на владычне дворе...» (ПСРЛ. Т. VIII. 2001. С. 184; ПСРЛ. Т. XXVII. 2007. С. 280). Другая летопись описывает это событие так: «Меж собою в брани, и в том вечьи убиша Василя Никифоровичя, а иные разбеглися. В то же возмущенье убиша 2 посадника: Захарью Григорьевичя за брата Козьму, а сына Кузьмина замертво оставиша, Луку Федорова да Фефилакта Захарьина изымавшея, посадиша за сторожи. И потом приведше их на вече и пожаловаша их и целовали крест что им хотети добра Новугороду» (ПСРЛ. Т. XXXVII. 1982. С. 94). По ПШЛ «...новгородцы же тех посадников и бояр и живот пограбили и двory и доспех(и) поотнимали и всю ратную приправу, котори то так чинили. А Василья Онаньина тоу поймав, а на вече исьщекли топори в часть, а иных заповедали, тако же хотячи смертию казнить...» (ПСРЛ. Т. V. Вып. II. 2000. С. 209). Рассказы о событиях 1477 г. важны для понимания процедуры вечевой казни. К сожалению, оба цитируемых источника – не новгородские летописи, но составитель статей СИЛ хорошо информирован о происходившем в Новгороде, а в Устюжской летописи «в известии 6985 (1477) г. отразилось, возможно, окончание «последней новгородской летописи времени независимости, не сохранившееся в других летописях» (Словарь книжников ..., 1989. С. 67).

Происходившее, по-видимому, можно реконструировать так: 1) Василя Никифорова арестовывают («без милости взявше») и доставляют его на вече («и ведоша его не вече»); 2) На вече ему предъявляется обвинение в измене («был ты у великого князя и т. д.») и после ответа боярина («целовал есмь крест и т. д.»), вероятно, приговаривается к смертной казни, которую тут же на вече и приводят в исполнение («каменiem убиша его»).

Василя Онаньина, судя по всему, осуждают по той же схеме: арестовывают, приводят на вече и здесь казнят. Форма казни не совсем ясна («исьщекли топоры в часть»), но скорее всего это было четвертование. Форма казни или убийства бояр на Владычном дворе тоже не ясна, но фраза «а сына Кузьмина замертво оставиша» предполагает, что их скорее «побили», а не «рубили» или «секли».

С Лукой Федоровым и Феофилактом Захариним поступают почти так же, как и с Василием Никифоровым, т. е. арестовывают (но помещают в тюрьму) и привозят на вече. Здесь они оправдываются и приносят клятву верности Новгороду.

Мы рассмотрели способы смертной казни в Новгороде во времена независимости. В приведенном выше обзоре есть 20 упоминаний за период 1134–1477 гг., о казнях, непосредственно связанных с вечем и Волховским мостом. Можно выделить бесспорные факты, основанные на прямом указании летописи о форме и месте казни. Известно о 5 случаях казни на вече (1207, 1230, 1269, 1346, 1477 гг.), когда мы не имеем никаких дополнительных сведений о точной форме казни. В 7 случаях (1134, 1136, 1141, 1316, 1375, 1418 гг.) казнь осуществлялась по формуле «убиение/побиение на вече – сбрасывание с моста», причем, в трех рассказах (1141, 1316, 1418) уточняется технология казни – избиеение производилось «до полусмерти». В 2 случаях (1141, 1418 гг.) казненный спасся или был спасен. В 7 случаях (1208, 1230, 1291, 1398, 1328, 1442, 1446) известно о сбрасывании преступника с моста в Волхов без дополнительных деталей. Достоверно устанавливается казнь через сожжение на Ярославовом дворе (1227 г.).

Приведенные примеры, как нам кажется, свидетельствуют о нескольких очевидных фактах. Во-первых, форма казни и в XII–XV вв. совершенно одинакова – «побиение «мало ни до смерти» – сбрасывание в Волхов». То, что так она описана только в трех рассказах (отметим, что это самые подробные рассказы о происходивших событиях на вече, закончившихся казнью), не важно, так как многие другие такие же рассказы просто более краткие («побиение – сбрасывание в Волхов», «убийство», «сбрасывание в Волхов»). Однако, идентичность всех этих рассказов на протяжении 400 или 600 лет позволяет думать, что сделанные нами предположения об устойчивости формы казни, возможно, близки к действительности. Во-вторых, в 12 случаях из 20 мы точно знаем, что эти казни происходили на вече, а в 15 – что преступников сбрасывали в реку с моста. В-третьих, во многих случаях угадываются следы процессуальных действий, связанных с судопроизводством (розыск, предъявление обвинения). В-четвертых, очевидно, что такая форма казни использовалась только для наказания за особо тяжкие преступления – государственные («измена», покушение на государственное имущество), колдовство, поджог, изготовление фальшивой монеты(?). В-пятых, нам кажется, что иногда в политической игре в Новгороде использовались для обвинения формальные предлоги, например такие, как обвинение в колдовстве или поджоге (его умысле), так как наказание за них предусматривало физическое устранение оппонента.

В свете всего, сказанного выше, интересно взглянуть под новым углом зрения на странные казни, устроенные Иваном IV во время разгрома Новгорода в 1570 г. («В лето 7077-го. ... и всех людей, и многих православных умучи многими муками, а протчих людей, глаголють

60000 мужей и жен и детей, в великую реку Волховъ вмета, яко и реки запрудитися». (ПСРЛ. Т. V. Вып. I. 2003. С. 115). «Самъ же государь съ царевичемъ поеде на Городище, и приехавъ, такожде повеле приводити из Великаго Новаграда владычнихъ боярь и иныхъ многихъ служивыхъ людей, и женъ ихъ и детей, и повеле ихъ пред собою горце мучити и люте и безчеловечне, всякими различными муками; и по многихъ неисповедимыхъ горкихъ мукахъ, повеле государь телеса ихъ некоею составною мукою огненною поджигати, и своимъ детемъ боярскимъ повеле техъ мученыхъ людей за руки, и за ноги и за головы, (различно, тонкими ужи привязывати) по человеку к санемъ конскимъ, и быстро влещи за санми на великий Волховский мость, и повеле ихъ с мосту метати в реку Волховъ. А жены ихъ и дети, мужеский полъ и женский, младенцы с сущими млекопитаемыми, и всякъ возрастъ, повеле государь привозити на Волховский мость и возводити на высоту, иже на то устроено бысть, и вязаху за руки и за ноги опако назадъ, а младенцевъ к матеремъ вязаху, и с великия высоты повеле государь метати ихъ в реку Волховъ; а иные дети боярские и воинские люди в то время, в малыхъ судехъ, ездяху по Волхову, со оружиемъ, и с рогатынями, и с копии, и с топоры и з багры, – и кто спловеть на верхъ воды, и они, прихватывая багры, людей копии и рогатыни прободающее и топоты секуще, и во глубину безъ милости погружаху, предающе горцей смерти. И таково горе и мука бысть отъ неукротимыя ярости цареви, паче же отъ Божия гнева, грехъ ради нашихъ, яко на пять недель и боле по вся дни в воду вметаше всякаго возраста человекъ до 1000 на день, а иногo дни и до полуторы тысящи, а тотъ убо день благодарень, коего дни ввергуть в воду пятьсотъ или шестьсотъ человекъ» (Новгородские летописи, 1879. С. 341–343; См. также: Шлихтинг, 1934. С. 31; Скрынников, 1994. С. 83–92).

Легко заметить в процедуре казни, осуществленной Иваном Грозным в Новгороде, имитацию традиционной вечевой казни – наказание «до полусмерти» «всякими различными муками» и метание в Волхов с моста. Отметим, что летописцы основной акцент делают на пытки и мучения, а не на утопление (Чумичева, 2011. С. 506–532). Совершенно не оспаривая предположения Чумичевой О. В., думаю, что все значительно проще. Вероятно, это был очередной двусмысленный «перформанс» Грозного – новгородцев казнили в соответствии со специфической местной «вечевой» традицией, несмотря на то, что осуществление ее, несомненно, имело серьезные технологические трудности.

Историческая традиция «вечевой казни» прослеживается и в некоторых других событиях XVI–XVII вв.: «...заповедовали винишком не торговати, ... а поимают виншика с вином или пьяного человека, и они велят бити кнутом да в воду мечут с великого мосту...» (Новгородские летописи, 1879. С. 105), «и из Новагорода его не отпустят, и велят его, Семена, с мосту скинуть» (Тихомиров, 1964. С. 292).

Очевидны внешние условия появления такой казни. Новгород – единственный древнерусский русский город, расположенный на обеих

сторонах большой реки в равных частях. Поэтому мост здесь возник в начале XII в. и существует до сего дня на этом же месте (Филиппова, 2007. С. 40–43; Сорокин, 2014. С. 1–20). Мост через Торг связывал важнейшие политические «точки» города – Ярославль двор и Владычный двор. Однако, как именно возник обычай казнить так – непонятно. (Интересно, что в поздней Густынской летописи, излагающей сцену «казни» идолов иначе, чем все остальные летописи: «... и потом повеле его увязав ужи влещи в реку Волховъ, иных же пристави влекомаго бити... Люди же единаче влечаху его биюще и пришедши на мост въринуша его в реку Волховъ, идежа абие погрязе в глубину и помале явися з воды...») (ПСРЛ. Т. XL, 2003. С. 45), мы видим обычную для Новгорода форму казни, которая на множестве примеров рассмотрена выше. Вероятно, составитель рассказа о крещении новгородцев хорошо знал новгородские обычаи и «почти автоматически», неосознанно, добавил в свою историю вторичное описание «правильной», с точки зрения исторической традиции, «казни», несмотря на то, что в это время моста, как места исполнения наказания, еще не существовало).

На наш взгляд, не важно, как именно сохранялась традиция производства смертной казни, в устной или письменной форме. Ее устойчивость однозначно свидетельствует об использовании каких-то обязательных и всем известных юридических норм или традиций (прежде всего, процессуальных), «зафиксированных» в правовом сознании новгородцев. Именно поэтому, как мы думаем, летопись так обыденно сообщает о такой уникальной, даже экзотической, сложной форме казни, как утопление с моста с предварительным избиением на вече.

Литература и источники

Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст, комментарий, исследование. Псков: Издательство центра «Возрождение», 1997. 146 с.

Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и её время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л.: Наука, 1980. 243 с.

Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI века. Стригольники и жидовствующие. М.: Индрик, 2012. 560 с.

Амплеева Т. Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси. М.: Юридический институт МИИТа, 2006. 228 с.

Беляев И. Рассказы из русской истории. Кн. 2. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М.: В Синодальной типографии, 1866. 628 с.

Бенеманский М. И. Закон градский. Значение его в русском праве. М., 1917. 478 с.

Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М., 1960. 399 с.

Берхин И. Сожжение людей в России в XIII–XVIII вв. // Русская старина. Т. 45, № 1. 1885. С. 188–192.

Беседкин П. Исторический очерк преступления поджога по римскому, германскому и русскому праву. Ярославль: Типография Г. Фальк, 1885. 114 с.

- Бобров А. Г. «Повести древних лет» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 54. С. 148–152, 165.
- Булычев А. А. Между демонами и святыми. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М.: Знак, 2005. 317 с.
- Бытие 9. 3–6.
- Великие Миней чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Ноябрь. 1–12. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1897. 884 с.
- Викторский С. Н. История смертной казни в России и современное состояние // Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел юридический. Вып. 41. М.: Типография императорского Московского университета, 1912. С. 25–32.
- Второзаконие 14. 21.
- Гернет М. Н. Смертная казнь. М.: Я. Данкин и Я. Хомутовъ, 1913. 149 с.
- Гиппиус А. А. К истории текста церковного Устава Всеволода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2003. Вып. 17. С. 163–173.
- Гусев П. Л. Новгород XVI века по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия» // Вестник археологии и истории. Вып. XIII. СПб.: Типография А. П. Лопухина, 1900. С. 7–66; С. 46, рис. XVII.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том IV. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. 712 с.
- Депп Ф. О наказаниях, существовавших в России до царя Алексея Михайловича. СПб.: Типография Карла Крайя, 1849. 97 с.
- Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. 303 с.
- Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // «Слово святого Федосья игумена Печерьскаго монастыря о вере крестьянской и латынской». ТОДРЛ. Т. V. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С. 170–171.
- Жильцов С. В. Смертная казнь в истории древнерусского права / под ред. Р. И. Хачатурова. Тольятти, 1995.
- Жильцов С. В. Смертная казнь в праве Древней Руси и юрисдикция Великого князя в ее применении // Правоведение. 1997. № 4. С. 47–52.
- Жильцов С. В. Смертная казнь в России. М.: Зерцало-М, 2002. 460 с.
- Загоскин Н. П. Очерки истории смертной казни в России. Казань: Типография Императорского университета, 1892. 103 с.
- Законодательство Древней Руси // Российское законодательство X–XX веков. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 1. С. 70, 169, 190, 307, 332.
- Игнашина Е. В., Комарова Ю. Б. Преподобный Варлаам Хутынский. Житие в иконе. Тула: Гранд-Холдинг, 2010. 70 с.
- Исаев М. М. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII–XV вв. // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук 1–6 июня 1946 г. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. С. 126–143.
- Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начало XVI века. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. 573 с.
- Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.

Лепешкина О. И. Смертная казнь. Опыт комплексного исследования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 196 с.

Лоба В. Е., Малахов С. Н. Уголовное право Древней Руси XI–XII вв. (по данным Русской Правды). Армавир: РИОАГПА, 2011. 175 с.

Лукин П. В. «Потоци Мьстислав Полотьский князь»: Об одной из форм наказания в Древней Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2007. № 1. С. 20–35.

Лукин П. В. Древнерусский «поток и разграбление» в свете германских параллелей // Одиссей. Человек в истории. 2008. С. 196–207.

Лукин П. В. Существовала ли в домонгольской Руси смертная казнь? Учёные мнения и представления современников // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М.; СПб., 2012. С. 187–223.

Лукин П. В. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. С. 391–403; С. 397, прим. 59.

Лукин П. В. Новгородское вече. М.: Академический проект, 2018. 674 с.

Лукин П. В. Немецкие данные о телесных наказаниях в средневековом Новгороде // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.: Институт российской истории РАН, 2019. С. 292–301.

Малиновский А. Кровная месть и смертная казнь. Томск, 1908. Вып. 1. 204 с.

Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель // Вспоминаем Кириково («Памятники древнерусской мысли: исследования и публикации»). Вып. VII). М.: Круг, 2011. С. 390–391, прим. 6.

Михлин А. С. Понятие смертной казни // Государство и право. 1995. № 10. С. 103–111.

Низов В. В. Новгородское восстание 1418 г. // Вестник Московского университета. 1982. № 2. С. 65–77.

Новгородские летописи. СПб., 1879. 448 с.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1959. 720 с.

Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. М.: Юрлитформ, 2011. 408 с.

Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. 351 с.

Попов А. Суд и наказание за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1904. 516 с.

Послание св. Василия Великого: 63 Апостольское правило, 86 правило.

Право на смертную казнь: сборник статей. М., 2004. 224 с.

Пространная редакция Устава князя Ярослава Владимировича «О церковных судах» // Российское законодательство X–XX веков. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 1. С. 192.

ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.

ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. I. Новгородская четвертая летопись. Петроград: «Типография Я. Башмаков и К», 1915. 332 с.

ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. II. Л., 1925.

- ПСРЛ. Т. V. Вып. I. Псковские летописи. М.: Языки славянской культуры, 2003. 256 с.
- ПСРЛ. Т. V. Вып. II. М.: Языки славянских культур, 2000. 368 с.
- ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки русской культуры, 2000. 320 с.
- ПСРЛ. Т. VIII. М.: Языки русской культуры, 2001. 312 с.
- ПСРЛ. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М.: Языки русской культуры, 2000. 252 с.
- ПСРЛ. Т. XXVII. М.: Языки славянских культур, 2007. 424 с.
- ПСРЛ. Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.
- ПСРЛ. Т. XL. Густынская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 202 с.
- Рагунштейн А. Г. «Свержение с моста» как форма наказания в Новгородской республике XII–XV вв. (по летописным данным) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс / Курский государственный университет. Курск, 2012. Вып. 5. Ч. 2. С. 153–158.
- Райнхарт Й. Нумизматическая терминология в Древней Руси: славянское название фальшивомонетчика // Русский язык в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2009. 1 (17). С. 134–141.
- Рогов В. А. История уголовного права террора и репрессий в Русском государстве XV–VII вв. М.: Юрист, 1995. 288 с.
- Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права. (Очерки IX – середины XVII вв.). М., 2008. 269 с.
- Рыжова Е. А. Мотив «плавание святого на плоту» в Житии Иоанна Новгородского // Новгородика-2008. Вечная республика в истории России: материалы междунар. науч.-практ. конф. Великий Новгород, 2008. Ч. 2. С. 121–145.
- Самохвалов С. В. Судебные приставы средневековой Руси (Очерк истории развития института судебных исполнителей с древних времен до начала XVI века) // Русская история. 2008. № 1–2. С. 146–157.
- Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII в. СПб., 1887. 300 с.
- Сичинава Н. Г. О семантическом развитии значений некоторых древнерусских юридических терминов // Двести лет со дня рождения академика Измаила Ивановича Срезневского: сборник докладов международной интернет-конференции. Ярославль, 1–31 марта 2012 г. Ярославль, 2012. С. 108–113.
- Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1994. 209 с.
- Сорокин А. Н. Лобное место Великого Новгорода // Чело. 2004. № 3 (31). С. 14–16.
- Сорокин А. Н. Великий мост древнего Новгорода // Чело. 2014. № 1 (54). С. 1–20.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам // «Самосуд». Том III. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903. Стб. 252–253.
- Строков А. В. Восстание Степанки в 1418 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. III–IV. Новгород, 1938.
- Тихомиров М. Н. Документы о Новгородском восстании 1650 г. // Новгород: К 1100-летию города. М., 1964. С. 292.
- Устрялов Ф. Н. Исследование Псковской судной грамоты 1467 г. СПб.: Типография Аполлона Фридрихсона, 1855. 192 с.

Филиппова Л. А. Великий мост в истории средневекового Новгорода // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2007. № 6. С. 33, 40–43.

Фроянов И. Я. Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012. 1087 с.

Халявин Н. В. Новгородское восстание Степанки 1418 г. в советской и современной отечественной историографии // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5: История и филология. Ижевск, 2011. Вып. 3. С. 80–85.

Хархордин О., Иванова-Везн Л. Новгород как *res publica*: мост к величию // Неприкосновенный запас. 2003. № 4 (30). С. 194–206.

Хачатрян А. В. Преступления против собственности по Псковской Судной грамоте // Вектор науки Тольяттинского Государственного Университета. Специальный выпуск «Правоведение». Тольятти: Издательство ТГУ, 2009. № 2 (5). С. 154–156.

Чебаненко С. Б. Основные черты веча в Древней Руси // *Rossica Antiqua*. 2013. № 2. С. 113–139.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.

Чумичева О. В. Иконические перформансы Ивана Грозного // Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси. М.: Индрик, 2011. С. 506–532.

Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л.: Наука, 1987. 176 с.

Шелкопляс Н. А. Смертная казнь в России: история становления и развития (IX – середина XIX вв.). Минск: Амалфея, 2000. 112 с.

Шишов О. Ф. Смертная казнь в России // Смертная казнь: за и против. М.: Юридическая литература, 1989. С. 12–25.

Шлихтинг А. Новое известие о времени Ивана Грозного. Л.: Издательство АН СССР, 1934. 97 с.

Штамм С. И. Уголовное право // Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. М.: Наука, 1986. С. 161–163.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М.: Наука, 1972. 337 с.

Юшков С. В. Труды выдающихся юристов // Устав князя Всеволода. М.: Юридическая литература, 1989. С. 354.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры, 2003. 511 с.

Poppe A. Potok i grabiez // *Słownik Starożytności Słowiańskich, Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII. Tom czwarty P–R*. Wrocław – Warszawa – Kraków. «Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk», 1970. S. 251–252.